

18+

МИХАИЛ БУЛАТОВ

КОШКИНЫ СЛЕЗЫ



Михаил Булатов
Кошкины слезы

«Издательские решения»

Булатов М.

Кошкины слезы / М. Булатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962201-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Все дети любят читать сказки. Становясь взрослыми, мы почему-то забываем об этом. Но ведь и сказки нужны особенные, «взрослые». Такие, как «Кошкины слезы» — сборник рассказов Михаила Булатова. С присущей его повествованию жесткостью и трогательностью он рассказывает о нашей жизни, в которой каждый день случается что-то необычное, стоит лишь по-другому взглянуть на окружающий мир. Реальность смешалась с вымыслом, стирая границы. Происходило ли это на самом деле? Пусть останется загадкой. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-962201-3

© Булатов М.

© Издательские решения

Содержание

Созвездие Большого пса	6
Глава 1 Дом, в котором живут кошки	7
Глава 2 Созвездие большого пса	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Кошкины слезы

Михаил Булатов

© Михаил Булатов, 2019

ISBN 978-5-4496-2201-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Созвездие Большого пса

Большой Пёс (лат. Canis Major) – созвездие южного полушария неба, самая яркая звезда – Сириус, имеет блеск —1,46 м. Расположено к юго-востоку от Ориона; частично лежит в Млечном Пути. На территории России наблюдается полностью в южных и центральных районах и частично – в северных.



Глава 1 Дом, в котором живут кошки

Иногда я чувствую себя очень старым, будто мне тысяча лет, белки глаз растрескались, как фарфоровые блюда, а в бороде пророс мох. Если мерить земными годами, то лет мне совсем немного. Эта оболочка, человеческое тело, в котором я живу, еще не начала распадаться на части. Но глаза, которые открывают мне двери в комнаты пустого и давно заброшенного дома, не врут. Эти глаза заполняются слепотой, как трюмы тонущего корабля. С моих ресниц осыпается пепел. Злой, едкий пепел городов, сторевших дотла. Пепел костров, на которых сжигали людей. Я не люблю этот стылый полуслепой взгляд и стараюсь избегать зеркал. Даже бреюсь я последнее время наугад.

Я наполняю свой мир пряным дымом курительниц, запахами мелисы и шиповника, я глотаю густой и горький травяной настой, надеясь на то, что его вкус поможет мне заглушить собственную горечь. Если надеть на шею тяжелый камень и прыгнуть с моста, то станешь ближе к рыбам, но вряд ли сам превратишься в водоплавающее. Вся моя жизнь похожа на затянувшийся прыжок с моста. Я хотел бы научиться жить среди людей, но все мои попытки заканчиваются неудачей. Словно кто-то зашвырнул меня в этот красивый мир, как большой камень в песочный замок. Как бы камень не старался, он всегда будет чужим.

Я пробовал походить на людей, впитывая их привычки и знания. Я отражал людей в себе. Я уже говорил о том, что не люблю зеркала. Во мне, как в зеркале злого тролля, не может отразиться ничего хорошего. Единственное, что я умею делать хорошо, это складывать слова человеческой речи в предложения. Я понимаю, что мне вряд ли удастся сплести узор красивее, чем узор снежинки, годовых колец дерева или узор прожилок на древесной листве. Да к этому я и не стремлюсь, потому что из людей мало кто умеет читать сказки, написанные совершенным языком природы. То небольшое, что я могу сделать для людей – это пересказать сказки ветра. Люди любят сказки, рассказанные на ночь. Потому что вся наша жизнь – это время, проведенное в ожидании вечной, непроглядной ночи. Баю-баюшки, баю, не ложися на краю...

На самом краю света стоит большой дом, в котором живут кошки. Они живут своей жизнью, ходят по опустевшим комнатам с хозяйским видом, справляют свои дела, где захотят, а ночами забираются на покатуую крышу дома и оглашают всю округу протяжными кошачьими песнями, посвященными друг другу и небесным красотам. Звезды тихо покачиваются на тонких нитях лунного света, и тогда какая-нибудь из кошек подпрыгивает, и сбивает звезду с небосклона. Так уж устроены кошки: если что-то маячит у них под носом, то до этого «чего-то» непременно нужно дотянуться лапой. Звезда падает в заросший газон на заднем дворе, и если люди замечают, как падает звезда, они загадывают желания. Эти желания, как правило, сбываются.

Кэт и Крюгер сидят на подоконнике, окно открыто настежь, ноги выставлены наружу. Первый этаж, свалиться не страшно, но даже если был бы и девятый, эти двое вряд ли бы испугались. Кэт – если по-русски, Катя, просто в пионерском лагере почти у всех есть клички, даже у воспитателей. Крюгер свое прозвище заслужил из-за рук, они у него покалечены в пожаре, левая рука совсем нерабочая. В правой руке Крюгер зажал сигарету и задумчиво глядит на небо. Прямо над ними – созвездие Большого Пса, его особенно хорошо видно в южных широтах. Крюгеру пятнадцать лет, он уже совсем взрослый. Кэт – веснушчатая и кудрявая, она младше Крюгера на полгода. Вообще-то, девочкам после отбоя нельзя в мальчишковые спальни, но вожатые сегодня основательно загуляли. Еще бы им не загулять, как-никак, закончилась

смена. Вещи заранее собраны и запакованы в рюкзаки, утром дети будут прощаться, оставлять номера телефонов, проливать реки слез, вожатые станут давать ценные советы и напутствия. Но это будет потом, а до утра еще полпачки сигарет и целое море молчания. Что тут говорить, когда и так все ясно? Кэт не выдерживает первой и говорит, что она будет писать письма. Крюгер только улыбается и вдруг шепчет:

– Смотри, падающая звезда! Загадывай скорее желание!

Кэт во все глаза глядит на падающую звезду, потому что видит такое впервые. Крюгер возбужденно трясет ее за плечо:

– Ну что, успела загадать?

– Угу – отвечает Кэт, – успела.

Кэт осторожно берет Крюгера за искалеченную руку. Крюгер вздрагивает – он не привык, что к его рукам кто-то прикасается. В траве стрекочут цикады.

– А ты успел загадать желание? – спрашивает Кэт.

Тот тихо смеется, затягивается сигаретой, и говорит.

– Успел, ага. Только мое желание очень смешное.

Они еще немного молчат, потом Кэт нетерпеливо толкает Крюгера локтем в бок, мол, а ну-ка признавайся, что загадал. Крюгер вздыхает, и говорит:

– Вообще-то, о загаданных желаниях нельзя рассказывать, иначе не сбудется. Но у меня желание настолько дурацкое, что, наверное, можно. Не желание даже, а так...

Кэт морщит нос, в который попал сигаретный дым, и обзывается:

– Вонючка. А ну-ка, колись, что за дурацкие желания у тебя в голове?

Крюгер только вздыхает:

– Я подумал вдруг, а как было бы забавно, если бы мы были не людьми, а кошками. Жили бы тут в свое удовольствие, и... – Крюгер сделал вид, что он очень заинтересован состоянием своих кед, вместо того, чтобы закончить фразу «и никто бы нас тогда не разлучил». Но ему показалось, что скажи он это вслух, то это прозвучало бы совсем фальшиво.

Кэт смеется, болтая в воздухе босыми ногами:

– Ну, ты придумал! Кошками мы бы стали, как же...

Крюгер насупился:

– Сама-то ты, небось, что-то очень умное загадала, да?

Кэт внезапно стала серьезной:

– Я, вообще-то, загадала, чтобы эта ночь никогда не заканчивалась.

На самом краю света стоит большой дом, в котором живут кошки. Они живут своей жизнью, ходят по опустевшим комнатам с хозяйским видом, справляют свои дела, где захотят, а ночами забираются на покатуую крышу дома, и поют свои песни звездам и луне.

Глава 2 Созвездие большого пса

Он порой чувствует, как несказанные, человеческие слова распирают широкую грудь, собираются грозовым облаком в легких, готовых прорваться ливнем. Вдыхает, размыкая сухие губы, и обнаруживает в гортани пустоту, подобную иссохшему колодцу. Молчание заполняет его, как жидкое олово железную форму, и льется дальше. Он разрывает ночь, в которой с ним уже нет хозяйки, сиротливым лаем, но перестает слышать себя и захлебывается молчанием.

Клиф просыпается с криком, зажав в кулаках простынь. Так просыпается он последние полгода своей человеческой жизни. Два месяца назад Клиф приехал сюда, и неожиданно для себя самого, задержался дольше, чем на пару недель. За то время, что Клиф живет на съемной квартире, ему так и не удалось обнаружить признаков жизни на лестничной площадке, да и во всем подъезде тоже. Вероятно, люди все же существуют за этими дверьми, и даже иногда покидают свои квартиры, просто он никогда этого не видел. Раз в месяц к нему приходит лысый, вечно вспотевший человек, и Клиф молча передает ему плату за жилье. Каждый раз, в последний четверг месяца, в одно и то же время. Клифу нравится пунктуальность хозяина квартиры. Это единственное, что ему нравится в нем.

Порой между третьим и четвертым этажами появляется сигаретное облако. Оно висит там, как знак вопроса, и Клиф неизменно добавляет к этому вопросу восклицание, когда спускается на первый этаж. Не раз Клиф пытался подкараулить курильщика, но тщетно. В конце концов, ему пришлось смириться с тем, что запах табака сам собой появляется в воздухе. Этот запах вызывает у Клифа приступы меланхолии. Вечерами он может часами сидеть в позе лотоса и смотреть в стену, как будто там показывают интереснейший фильм. По квартире он ходит в старой растянутой тельняшке, которая пахнет гречишным медом и потом. Зажмурившись, он вдыхает этот запах, стараясь прочувствовать его полностью, всем телом. Это тот самый запах, что заставлял его прежде вилять хвостом и припадать на передние лапы.

Клиф живет аскетом. В его однокомнатной квартире есть матрас и боксерская груша. Помимо этого, есть душ, газовая плита и старый ворчливый холодильник. Напор воды в ванной оставляет желать лучшего, да и сама вода хранит ржавые тайны труб, через которые ей пришлось пройти, чтобы вернуться обратно в трубы. Клиф думает о том, что человеческая жизнь подобна движению воды.

Вода смывает остатки сна, который Клиф вновь не запомнил. Теперь этот сон тоже будет храниться в трубах. Чередой в десять мощных ударов он говорит боксерской груше «доброе утро». Так ему проще запоминать слова. В его квартире нет зеркал, он бреется наугад. Клиф прячет глаза. У него с ними проблемы – бельмо в правом глазу.

Клиф положил в рюкзак комплект белья, снял с гвоздя куртку, запер дверь. И навсегда попрощался с этим местом, отчего-то уверенный, что он действительно больше не вернется сюда. Ключи оставил в электрощитке.

Спустившись до третьего этажа, Клиф вновь ощутил этот запах. Он бы его ни с чем в жизни не перепутал, так пахли сигареты «Dunhill», которые курила хозяйка. Клиф скривился от запаха, будто у него заболел зуб. Не сдержавшись, он с силой саданул по стене подъезда, срывая казанки, и глухо зарычал. Конечно, на площадке между третьим и четвертым этажом никого не было. Сгорбившись, бродячий Пес поплелся дальше, поджимая ушибленную лапу.

Катя не была слепой от рождения, зрение она потеряла в автомобильной аварии, когда возвращалась из пионерского лагеря. Врачи тогда утверждали, что девочке чудом удалось остаться в живых. У самой Кати на этот счет было свое мнение. Если бы ей попался в руки ее ангел-хранитель, она бы выщипала ему все перья, а потом сварила бы в супе. Ангел-храни-

тель, который оставил ей жизнь, но отобрал глаза. Однако мнение калеки никто не спрашивал. Она жила вместе с матерью – отец их оставил, когда Катя была еще совсем маленькой. Так случается сплошь и рядом, ничего с этим не поделаешь. Отношения с матерью никогда не были гладкими, а после автокатастрофы – тем более. Содержать дочь-инвалида оказалось совсем непросто, и вскоре добросердечная мама спихнула Катю в интернат. Сама Катя, впрочем, особых претензий по этому поводу не выказывала. Она всегда была на удивление тихой и покладистой девочкой.

Жизнь в интернате оказалась не то чтобы веселее и интереснее, но там, по крайней мере, у Кати появились друзья, которых раньше не было. После двух попыток самоубийства, обе из которых оказались неудачными, за ней закрепилось прозвище Макака. Как связана обезьянья кличка с суицидальной склонностью, ей никто не удосужился объяснить. С ней вообще мало разговаривали, воспитатели делали свою работу, как роботы. Следили, чтобы слепцы не открутили друг другу головы, не обмочились в постели, вовремя ложились спать и хорошо питались. Слепые передвигались по коридорам, взявшись за руки, так что если кто-то из взрослых начинал говорить о «чувстве локтя», Катя только ухмылялась. Взрослея она быстро.

Там же, в интернате, Катя научилась курить. Где старшие умудрялись раздобыть сигареты, для воспитателей оставалось загадкой. Скорее всего, их передавали с кем-то из родственников. Такие передачи делились по-братски, крыс в интернате не любили. Закурить ей предложила девушка, которую все называли Серьезной. Прозвище она получила за умение правдиво врать воспитателям. Первую затяжку Катя сделала как раз после второй попытки самоубийства. Она сидела на унитазе в женском туалете и тихо плакала. Плакать громко было нельзя, если застучит кто-то из воспитателей, сразу же потащат к психологу... Последнюю встречу с психологом Катя вспоминала с отвращением. Если свести к общему знаменателю монолог, который ей пришлось выслушать, то выходило примерно следующее – на них, убогих калек, здесь тратят столько времени, средств и сил, а они, неблагодарные свиньи, готовы при первом же удобном случае свести счеты с жизнью. Ее перевернуло.

Катя услышала шаркающие шаги и затихла, рукавом кофты утирая заплаканное лицо. Походку Серьезной нельзя было перепутать с походкой других девочек – Серьезная хромала на одну ногу. Катя не то чтобы побаивалась Серьезную, но старалась соблюдать нейтралитет. Щелкнула зажигалка, потянуло куревом. Катя до последнего надеялась, что Серьезная не поймет, что не одна находится в туалете. Не тут-то было, ее оказалось не просто провести. Она вежливо кашлянула и сказала:

– Привет, Макака. Ты, говорят, вскрыться пыталась?

Катя вздохнула и шмыгнула носом. Пытаться скрыть свое присутствие все равно уже не имело смысла. На вопрос она ничего не ответила, да и что тут ответишь? Серьезная протянула вперед руку, коснулась волос Кати, определяя ее местоположение. Катя от этого прикосновения вжала голову в плечи, но тут Серьезная совершила то, на что Катя никак не могла рассчитывать. Она почти ласково погладила ее по голове и участливо спросила:

– Курить будешь?

И, не дожидаясь ответа, подкурила вторую сигарету и всунула ее Кате в губы. Катя, сильно затянувшись, закашлялась. Она вспомнила, как два с половиной года назад, в пионерском лагере, сидела на подоконнике с мальчиком, имени которого так и не узнала. Все его звали Крюгером, а настоящее имя она спросить постеснялась. Он тогда курил, уставившись в звездное небо. Тогда она впервые увидела падающую звезду, и – вот дура! – загадала желание, чтобы ночь никогда не заканчивалась. Что же, можно сказать, что звезда ее не подвела. Наутро они с Крюгером впопыхах попрощались, а потом... А потом мало кто из детей, находящихся в автобусе, остался в живых. Ей повезло больше, чем тому мальчику. Повезло, как же. Два с половиной года назад. Когда глаза еще были зрячими. Следующую затяжку Катя сделала более спокойно и осмысленно. Услышав это, Серьезная значительно заметила:

– Ишь, как быстро втянулась. Не фуфло какое-нибудь. «Dunhill», стопроцентно кубинское курево.

Нельзя сказать, что после этого случая Серьезная стала для Кати лучшей подругой, она скорее взяла ее себе под крылышко. «Научу тебя жизни», так любила она говорить. Этой самой жизни, впрочем, боялись все, хоть и не все подавали вид. Не сложно представить, какая жизнь ждала слепых за стенами интерната. После выпуска тех, кому повезло чуть больше, забирали к себе родители. Большинство же отправлялись в дома престарелых. Серьезная относилась к той категории, которым «повезло чуть меньше» – родителей и близких родственников у нее не было. Катя помнила, как Серьезная как-то ночью, за несколько дней до выпуска, забралась к ней в постель и крепко ее обняла. Потом молча поднялась и ушла куда-то. Утром Катя узнала, что Серьезная «вскрылась» осколком зеркала в душевой кабинке, откачать ее так и не успели. Катя после этого вообще перестала разговаривать. Она и раньше-то не была особо словоохотливой.

Поводыря Кате выписали почти сразу после интерната. Сказать, что мать была счастлива возвращению дочери, значило бы сильно приукрасить события. На улицу, впрочем, не выгнала, и то ладно. Больше всего неприязни у нее было к овчарке-поводырю, которая теперь жила с ними в однокомнатной квартире. «От нее только грязь и вонь, и никакого проку» – говорила она всякий раз, когда видела, как Клиф дурачится и гоняется за мячиком, который ему бросала Катя. Тот факт, что поводыря Кате дали так быстро, и почти без хлопот, объяснялся очень просто – собака оказалась «дефектная», после болезни у нее «испортился» правый глаз.

Вряд ли бы Катя смогла объяснить, почему назвала собаку Клиф, а не «Шарик» или «Бобик». Она бы не смогла объяснить и то, что эта кличка на самом деле означает. Просто это были единственные звуки, которые она произнесла за первый месяц после выпуска. Позже, она случайно узнала, что клиф – это скалистый обрыв, который образуется в результате разрушения берега прибоем. Так для замкнутой слепой девушки собака стала единственным близким существом. Вместе с Клифом Катя ходила гулять и даже по магазинам. Умный пес всегда приводил ее домой. Однажды они вместе дошли до парка, а это за два квартала от дома. Две остановки на троллейбусе. Почти кругосветное путешествие.

В центре реабилитации Кате пообещали, что помогут ей устроиться диспетчером в такси. Это была хорошая новость, потому что на двоих денег выходило маловато, а мать порой испытывала слабость к крепким напиткам. Она не была беспросветной алкоголичкой, все было не настолько мрачно. Но одинокая жизнь, мизерная зарплата и увечная дочь... Вечерами, дернув стопку-другую недорогого коньяка, мать любила обнять «дочурку» и «пообщаться с ребенком». Основной темой этого общения всегда становилась половая жизнь, при этом совершенно не важно, с чего начинался разговор. Сказать, что Катю от таких бесед уже тошнило, значит, не сказать ничего. Впрочем, были и маленькие радости. Например, книги, написанные шрифтом Брайля, которые можно было брать в центре реабилитации. По большому счету, жизнь не то, чтобы налаживалась, но входила в какое-то стабильное русло. Засыпала Катя, обняв Клифа за мохнатый бок («Ты и в постель эту скотину тащишь!» – не преминула бы сказать мать).

Первая карта из основания этой шаткой конструкции была вытащена, когда мать сократили на работе. По-сути, ее просто «списали», как устаревшую технику. После этого она крепко села на стакан. В доме стало нечего есть, и Кате с Клифом пришлось идти на улицу, просить денег. Это было унижительно, но Катя и сама понимала, что пса надо кормить. За себя она особенно сильно не беспокоилась, за «любимую мамочку» – тем более.

Зимой попрошайничать на улице в осенней куртке было холодно. Не мудрено, что Катя «заработала» бронхит. В новогоднюю ночь мать загуляла, на прощание сказав дочери: «Если что, звони, я всегда на связи». Было ясно, что до утра мать не появится. Температура у Кати подскочила до 39, а в такой горячке собственное тело кажется легким, как пушинка. Катя пол-

ностью открыла на кухне оконные створки, достала из записки сигареты и уселась на подоконник. Воздух гремел от салюта. Клиф этот грохот не любил, он рычал на огненные вспышки и скалил пасть. Пес забрался на подоконник и уселся рядом с хозяйкой, ткнулся обеспокоенно ей мокрым носом в плечо. Катя закурила, положила руку псу на загривок:

– Клиф, представляешь, как было бы здорово, если бы ты был человеком, а? Стал бы моим парнем, – Катя хихикнула, и... – Клиф так и не понял, что случилось в следующий момент.

Была ли это третья попытка самоубийства? Скорее всего, нет, просто у девушки от высокой температуры закружилась голова, и она соскользнула с подоконника вниз. С девятого этажа.

...Когда наряд милиции высадил-таки дверь квартиры, они нашли там голого парня, с всклокоченными волосами и совершенно диким взглядом. Не удивительно, что смерть девушки связали именно с ним. Когда мать Кати давала показания, она постоянно причитала, утирая зарезанное лицо: «А ведь я ей говорила, постоянно об этом говорила...». Никаких данных об этом странном парне найти не удалось, на допросах он только рычал и скалил зубы. На скорую руку ему пришили приговор и отправили в дурку. Однако уже через неделю ему удалось сбежать. По слухам, он просто загрыз охранника.

Говорят, бешеной собаке семь верст не крюк. Это очень правильная человеческая поговорка. Клиф полностью доверился звериному чутью. Он двигался в сторону Черного моря, где пешком, а где автостопом, благо, весна стояла теплая и не дождливая. Подрабатывал за еду, иногда его пускали переночевать, но Клиф привык спать и под открытым небом. Он был выносливым и сильным, среди людей эти качества ценились. Ему мало кто доверял, и Клиф отвечал людям полной взаимностью. Со временем ему удалось выучить человеческий язык. Лексикон его хоть и был беден, но объясниться и даже поддержать нехитрую беседу Клифу всегда удавалось. Он не знал, почему его так тянет в сторону моря. Но он хорошо понимал, что за ним охотятся. Как ни крути, Клиф был в розыске. Хотя такого человеческого слова, как «розыск», он не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.